

ляют вполне человечески универсально понимать позицию именно «изображаемого» субъекта сознания.

Второе проявление позднейшей некрасовской антропологической концепции мы усматриваем в том, что поэт настойчиво стирает принципиальную разницу между повествующим субъектом и объективированным лиро-эпическим персонажем — как носителем оценки и оцениваемой «реальностью». И тот и другой проблематизируются по всем линиям некрасовского творчества. Правда, все-таки с одной оговоркой: «человек социальный» поэт разрабатывается чаще (но не только) в форме лиро-эпического «он», а «человек субстанциональный» — преимущественно, но тоже не исключительно, в форме лирического «я».

Третье проявление рассматриваемых процессов в зрелой лирике Некрасова можно увидеть в том, что человек начинает интересовать поэта как некий всеобщий антропологический тип, только оборачивающийся к нам либо своей социально-исторической, либо природно-субстанциональной стороной. В одном случае человек интерпретируется в ракурсе его общественно-гуманистических идеалов и категорий его социальной судьбы, направления, условий и проявлений его созидательной инициативы, в перспективе национальной истории, в другом — *та же* человеческая природа истолковывается поэтом в категориях культурно-типологических свойств души, ценностных универсалий, смысла и качества существования, экзистенциального выбора, духовной ответственности и субстанциональной трагичности бытия человека в мире.⁴⁷

Как такое могло оказаться возможным для художника со столь определенной «судящей» ценностной позицией? В том-то, однако, и дело, что «ответственность» за подобные новации как раз берет на себя рассмотренное нами выше эволюционное смещение акцентов на всех без исключения «антропологически» ориентированных уровнях некрасовской поэтической проблематики, в особенности на *ментальном* и *экзистенциальном*. «Проповедник» универсальным образом стал в творчестве поэта уступать место «исповеднику» и «самоаналитику». А позднее «проповедальное» прокламирование Некрасова (например, в его «Последних песнях») обнаруживает уже свойства лишь *одного* из некрасовских «голосов» — *наряду с другими!*

Углубляющиеся раздумья Некрасова над тем, что такое человек, какова его сущностная природа, в чем заключается нечастный смысл его деяний и душевных движений, приводят его к убеждению в том, что нет людей от рождения благородных и достойных, как нет и людей ничтожных, пошлых просто в силу своих природных качеств. Все люди — люди. Всеми владеют страсти. Каждый может быть одолен рутиной и впасть в ничтожество. Каждый может избрать дорогу лжи, подлости и пошлости. Но ни перед кем не закрыт и путь *самостроения*, воспитания в *себе* человеческого достоинства, благородных убеждений и *личного* их утверждения в противовес жизненной рутине, *собственная* возможность подвижничества и высокой жертвы. Поэтому жизнь человека и человечность его личности — плод совсем не исключительно определяющих воздействий среды, но преимущественно и прежде всего *собственной* его духовной работы, прямое следствие *каждого* его решения и поступка.

⁴⁷ См: Пайков Н. Н. 1) Автоцентризм как тип художественной автокоммуникации в поэтической системе Н. А. Некрасова // Человек в информационном пространстве. Ярославль, 2005. Вып. 3. С. 196—200; 2) Проблема интенциональности и художественный автоцентризм в поэзии Н. А. Некрасова // Художественный текст: история, теория, поэтика. Материалы Международной науч. конф. по гуманитарным наукам (Эйхенбаумовские чтения—5). Воронеж, 2004. Вып. 5. Ч. 1. С. 139—145.